А. Л. ЮРГАНОВ

МИФОЛОГИЯ ВОЖДЕЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СЕРЕДИНЫ 20-Х ГОДОВ[1]

THE MYTHOLOGY OF THE LEADERS OF THE REVOLUTION IN THE POLITICAL CONTEXT OF THE MID-20S

This article examines the mythology of the leaders of the revolution, which, at first glance, is paradoxically expressed by Kliment Redko's art painting *The Uprising* (1925), now stored in the Tretyakov Gallery. The article carries out the attribution of the images depicted in the picture, for the first time precisely establishing who exactly is depicted and what the place of each figure was the depicted hierarchy of the Bolshevik Party. Stalin is positioned far from the key personalities standing next to the leader of the world proletariat – Lenin. Stalin is the head of the party apparatus, Trotsky a living legend of the Revolution and the Civil War. In the era of the collective cult of the "leaders of the party", in the mid-20s, Trotsky's popularity did not suffer in relation to Stalin's as he was not the chief administrator. Stalin, despite holding greater power, did not have a more prominent presence in the mass consciousness of the people. Only in time would Stalin gain the laurels of a classic figure of Marxism. Redko's painting is a historical source that testifies to the difficulties of the alignment of political forces in the mid–20s.

Keywords: Joseph Stalin, Lev Trotsky, Grigory Zinoviev, Lev Kamenev, Kliment Redko, the painting The Uprising, *the mythology of the revolution, the left opposition*

Andrei L. Yurganov – D.Sc. in History, professor, Russian State University for the Humanities. E-mail: lurganov@yandex.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0244-0486

1 *Citation*: А. Л. Юрганов, "Mifologiia vozhdei revoliutsii v politicheskom kontekste serediny 20-kh godov" [The Mythology of the Leaders of the Revolution in the Political Context of the Mid-20s], *RussianStudiesHu* 4, no. 1 (2022): 42 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.8

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.8

Герменевтическая ситуация

11 апреля 1926 г. в помещении на Большой Дмитровке, в доме №11, состоялась персональная выставка молодого художника Климента Редько. Были выставлены 200 произведений, написанных с 1914 по 1925 гг. Одной из главных на выставке он считал картину с названием «Восстание» (1925), посвященную Октябрьской революции и партии большевиков.

В центре композиции – сам вождь, вокруг него, по горизонтальным линиям, на фоне революционного Петрограда 1917 года, изображаются видные большевики, участники тех событий. Все первые фигуры от Ленина узнаваемы. В нижнем ряду слева от Ленина – Л. Д. Троцкий, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский; справа от Ленина (в нижнем ряду) – М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, Г. В. Чичерин. Ясно, что расставлены фигуры согласно близости к вождю мирового пролетариата на момент напи-

сания картины (1925 г.). Один из самых близких – Лев Троцкий, к этому времени лишенный всех основных должностей! А вот изображенный в верхнем правом ряду от Ленина Сталин занимает совсем непочетную позицию: выходит, что он никак не первое лицо. Если считать «по линиям» от Ленина, то окажется, что он всего лишь девятый после всех, кто стоит к Ленину первым и вторым.

Как такое стало возможным? Ведь Троцкий уже в январе 1925 г. перестал быть наркомвоенмором Республики, его критиковали за фракционную деятельность, а тут он – буквально наследник Ленина... Но еще больше подливает масла в огонь то обстоятельство, что никто на эту коллизию не обратил внимание, – и в таком «антисталинском» виде картина «Восстание» была показана в Москве весной 1926 года: даже нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский остался явно доволен увиденным...

Пройдет 15 лет – и коренным образом изменится отношение к личности Сталина. Возникнет сталинизм.

К. Редько. Сталин. 1940 г.

Климент Редько изобразит Сталина другим человеком: это уже лидер человечества, смотрящий в будущее, поверх голов человеческих...

Климент Редько (1897–1956)

Художник учился живописи в 1910–1914 гг. в Иконописной школе Киево-Печерской лавры. Раннее детство прошло в городе Холм на западе Украины, отец умер рано, а мать была вынуждена кормить детей доходом от всякого рукоделия – в том числе лепки статуэток мадонн для деревенских церквей. Уже в тринадцать лет Климент стал проявлять интерес к живописи, учился росписи по фарфору. Попав в Киево-Печерский монастырь, он четыре года изучал искусство икон, но проявлял интерес и к современному искусству. Редько стремился подражать не только древним образцам, но и французским импрессионистам, когда удавалось заняться пейзажами. Большое влияние оказал на него замечательный художник В. Чекрыгин, приезжавший из Москвы в Киев навестить мастерскую Киево-Печерской лавры. Так Редько, благодаря Чекрыгину, узнает о существовании кубизма и футуризма, знакомится с иллюстрациями картин Пикассо, Матисса, Брака.

В автобиографической повести «Зрачки солнца» Редько писал:

> «Мы разбирали кубистическую скрипку Пикассо. Чекрыгину новинка, выдуманная в Париже, доставляла чрезвычайное удовольствие. Называемая скрипка не была похожа ни на скрипки Страдивариуса или Гварнери, ни на обыкновенную, сделанную деревенским мастером. Чекрыгин, показывая и восхищаясь кубистической скрипкой Пикассо, сам по себе был необычайно смел, как только можно быть смелым в искусстве в его юные годы. Нарушая наставления профессоров Императорской академии художеств, он на всех сторонников академического искусства взирал свысока. Мне казалось, что сво-

им поведением и дальновидностью Чекрыгин многих превосходил, издеваясь над общепризнанным пониманием искусства»[2].

Летом 1913 г. Редько делает попытку поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, но не проходит по конкурсу и возвращается обратно в Киев. На следующий год ему помогает меценат Л. Д. Аксенов. Редько поступает в петербургскую Школу поощрения художеств. Он учится у старых мастеров, копирует их картины в Эрмитаже. Под влиянием патриотических настроений начавшейся войны уходит добровольцем в русскую авиацию, но учебу не прерывает – посещает мастерскую художника Рылова, пишет этюды под Калугой.

После февральской революции Редько покидает авиационную часть, служит в военной канцелярии и продолжает писать картины. В революционные дни художник активно участвует в главных событиях, слышит речь Ленина с балкона дома Кшесинской, а весной 1918 года на короткое время присоединяется к театральной труппе в г. Рыбинске, выступавшей с революционными пьесами. Но его тянет в Киев – он хочет учиться в Академии художеств. С большим трудом, минуя пули белых, бандитов, немцев, он добирается до Киева – и сразу же поступает учиться. Вскоре его исключают из Академии, но учеба не останавливается. Редько знакомится с художником Соломоном Никритиным, профессором М. Л. Бойчуком, создавшим свою школу монументальной живописи, – все это дает ему возможность значительно расширить художественный кругозор.

В 1920 г., когда Киевом овладели петлюровцы, Редько и Никритин уходят вместе с Красной Армией на левый берег Днепра. В Харькове Редько знакомится с Д. П. Штернбергом, который в то время исполняет обязанности руководителя изоискусством в области народного просвещения. Он рекомендует Редько и Никритина председателю Политуправления РСФСР на Украине А. В. Луначарскому, и тот дает им разрешительный документ:

«Молодые советские художники К. Редько и С. Никритин, бежавшие из Киева при наступлении поляков, командируются мною в Москву для выполнения работ и продления художественного образования. Просьба: все советские учреждения и иные власти

2 К. Редько, *Дневники. Воспоминания. Статьи* (М.: «Советский художник», 1974), 25.

оказывать им всевозможное содействие для выполнения возложенного поручения»[3].

Редько вместе с Никритиным получают государственную мастерскую. Оба они продолжают образование – и не только художественное. Редько интересуется математикой, физикой, современной техникой, – ему хочется изобразить сам процесс познания естественной природы. Он приходит к мысли, что все способы этого познания сводятся «к вопросу энергии – будущей культуры жизни». Объектом его художественного внимания становится... электричество. Он пишет картины, в которых ощущается технический прогресс как движение светящейся материи («Время», «Динамит», «Скорость», «Свет и тень в симметрии», «Аналитический эскиз» и др.). Картины эти дают ему право определить свое направление в искусстве как «свеченизм».

Из дневника К. Редько (частично опубликованного), 11 июня 1924 г.:

> «В живописи „электроорганизма" и „свеченизма" предсознанием является свет, как логика развития элементов эмоционального и материального художественного сознания в труде. Первопричина всего абсолютная плоскость, воспринимается как материя динамического колебания энергии света в пространственном объеме статической механики тел»[4].

Машина как образ становится символом многих художников, искавших в индустриализации страны фантастические горизонты коммунистического будущего. В картине «Завод», написанной в 1922 г., Редько изображает отвлеченные фигуры машин и приборов в контексте глубоких перемен страны, идущей к просветленному будущему. Таинственный синий цвет заводского сооружения соединен с багровым солнцем рассвета.

На творчество Редько оказывают серьезное влияние такие художники, как Василий Кандинский, Владимир Татлин, Казимир Малевич. 18 ноября 1920 г. Редько записывает в дневнике:

> «Вчера в клубе „Сезанн" Малевич в докладе говорил о новом назначении художника, должного заняться изобретением новых форм,

3 К. Редько, *Указ.соч.*, 60.
4 РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 120. Л. 19.

изменяющих, совершенствующих наш быт, а не передавать, как раньше и теперь, копируя, достигнутую инженером форму»[5].

14 декабря 1920 г. он делает запись в дневнике:

«Татлин не видит нового выхода в станковой живописи. „Для себя вижу выход в материале, т.е. архитектурной форме", - говорит Татлин. „Сам сейчас пишу, но признаю, что должна быть работа в станковой живописи, краску я люблю". Татлин в моем представлении сейчас гениальный реализатор – творец, создающий переоценку ценностей. „Дома у нас будут сверкать, как бриллианты, а бриллианты пойдут на резку стекол", - утверждает он. Татлин оперировал в области механики элементами, нашедшими практическое осуществление еще в древности (Хеопсова пирамида и позднее башня Эйфеля). Его большая заслуга уже в создании проекта памятника III Интернационалу»[6].

Редько много читает – это и философская литература, и сугубо научная, математическая; познавательная страсть влечет его к непосредственному исследованию различных форм материи в одной из научных лабораторий. Однако он оставляет эти занятия и в июне 1923 года уезжает в Крым, затем на Кавказ, – рисует там с натуры.

На смену урбанистическим мотивам и кубистическим настроениям приходит желание изображать естественную природу. Этого перехода требовала и советская идеология, внушавшая мысль, что искусство должно быть понятно народу и служить его интересам. Однако Редько не уходит далеко от «свеченизма» – он лишь пытается соединить революционный символизм с реализмом отображения эпохи.

Так он начинает работать над картиной, которую поначалу называет «РКП», а затем «Революция». В общей сложности он трудится над ней более двух лет и только по завершении дает ей новое название – «Восстание».

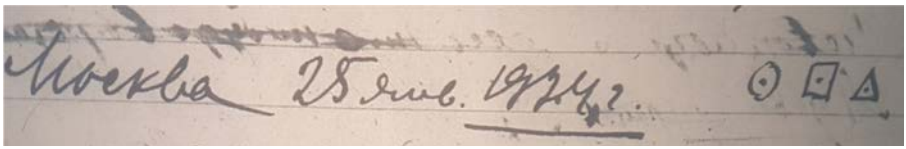
Сильнейшее воздействие оказывает на него событие смерти В. И. Ленина. Он записывает в дневнике (21 января 1924 г.):

5 К. Редько, *Указ. соч.*, 63.
6 К. Редько, *Указ. соч.*, 63–64.

> Умер ЛЕНИН!... Сколько раз мои мысли обращались к этому человеку – гению ума и сердца, сила духа которого превзошла основное деление времени. Как будто не было годов, не было месяцев, недель, дней, часов и т.д. Переживание идей революции волновало ум, но еще больше сердце, потому что упоение революцией не знает границ, не чувствует времени – побеждает страх и смерть[7].

Из неопубликованной части дневника:

> «Ленин лежит в гробу. 28 янв(аря). Вчера видел похороны Ленина. Все эти дни – дни Ленина. Все нахожусь во власти дум о нем. Снилось – видел **круг, квадрат и треугольник**[8]. Что же тут такого? Если в действительности, в практическом смысле есть основная разница между этими формами, то во сне их смысл представился другим. Исходя из центра, конечная разница одинакова между ними. Удовольствие этого ощущения во сне не передаваемо в словах. Осязал их синтез. Уравнение посредством движения...»[9].


Москва 28 янв. 1924 г.

10 июня 1924 г., согласно дневниковой записи, он задумывает картину, посвященную партии большевиков:

> «Мыслю о плане дальнейшей работы. Мы пришли в живописи к созданию социальной темы. Это спрос нашей мирной современности, требование класса, как коммунистического строителя. Мы дадим новые вещи искусства, в которых будет эпическая суровость строи-

7 К. Редько, *Указ. соч.*, 66.

8 К. Редько часто обращался к темам своих сновидений. 30 мая 1924 г. он записал в дневнике: «Во сне оглушительный взрыв. Я проснулся и вспомнил пережитое в Киеве в 1919 и 20 гг. Сны удивительная область в человеке. Я убедился, что некоторые сны являются предупреждением, но не предохранением. Плоскость картины – бесконечность и больше, чем разум. Направляю свое ощущение к будущей работе, хочется собрать в одно массу людей. Задача трудная в организации плоскости массы людей» (РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 120. Л. 16).

9 РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 120. Л. 14.

тельства и твердый расчет. В непосредственной связи с этим у меня возникло желание создать картину „РКП”»[10].

20 июня 1924 г. он написал в дневнике, что делает рисунки на тему «Революция», отождествляя ее с раннее задуманной картиной под рабочим названием «РКП»:

«На даче делаю рисунки к „Революции” („РКП”). Очень хорошо всплывает все прошлое, отражающееся в настоящем. Хорошо начать картину не у себя в городе, а здесь, среди природы, где много света, зелени, простора. Контраст помогает мыслить с большей силой ощущения»[11].

Предварительный эскиз (РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 30).

24 декабря 1924 г. Климент Редько получает справку от Давида Штернберга, исполнявшего обязанности зам. председателя Научно-Художественной Секции ГУСа, в которой упоминается картина под новым названием, и сказано также, что для завершения ее надо помощь художнику в предоставлении мастерской:

«Настоящим удостоверяю, что тов. К.Н. Редько выставлял на Государственной Амстердамской выставке свои картины, которые имели успех. Очень талантливый художник, К. Н. Редько в настоящее время нуждается в отдельной мастерской – комнате, ввиду выполнения им произведения „Апофеоз Октябрьской революции”. Нуждается и заслуживает всяческого поощрения»[12].

После некоторого перерыва Редько вновь сообщает в дневнике о работе над картиной «Революция» – 28 марта 1925 г.:

10 К. Редько, *Указ. соч.*, 67.
11 К. Редько, *Указ. соч.*, 68.
12 РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 272. Л. 7.

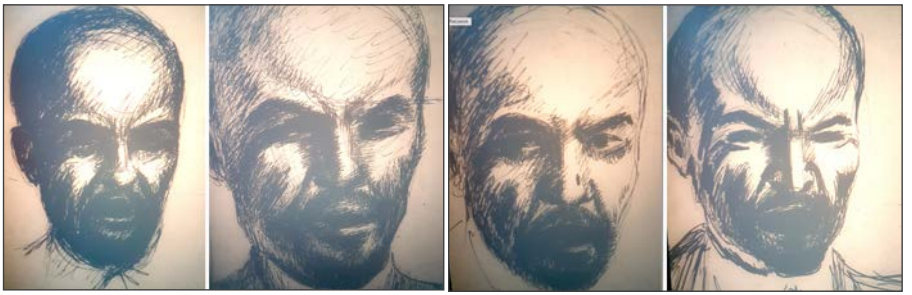
«Картина “Революция” теперь пишется быстро. Это опасно и приятно. В общем картина закончена. Две оставшиеся недели перед выставкой нужно отдать свое внимание фигурам вождей, краску кладу густо, скупо и этим преодолеваю первоначальную вялость – результат зимней работы. Дорого время, но еще дороже вдохновение!»[13].

7 апреля 1925 года – новая запись:

«Картина “Октябрьская революция” стоит в середине комнаты, а я брожу вокруг и мучительно отдыхаю. Очень хорошо не связывать работу над картиной с мыслью о скорой выставке (Редько планировал выставку в Третьяковской галерее, но она не состоялась – А. Ю). Главное внимание теперь сосредоточено на центре: совершенствую фигуру Ленина, переписываю ближайшие к нему фигуры»[14].

Наброски художника к картине «Восстание» хранятся в РГАЛИ[15]:

13 К. Редько, *Указ. соч.*, 68.
14 К. Редько, *Указ. соч.*, *68.*
15 РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 30.



Казалось бы, картина завершена, но это не так. Выставка отложена – и работа над картиной продолжена.

12 декабря 1925 г. он написал в дневнике: «Завтра принимаюсь за “Восстание” (“Революция”)».

17 декабря он поясняет в дневнике некоторые изменения в цветовой гамме: «Красный цвет в центре картины сдвинулся, концентрируясь в окружности. Теперь фон фигуры Ленина в световом блеске серого и светло-охристого цветов. Этим достигнуто сочетание холодного металла с ударами красного огня. Вся моя работа протекает под знаком физико-химических проблем современной науки. Это несомненно так. Большинство людей любят смотреть назад и только там видеть и искать искусство успокоительное. Картина „Восстание” идет, как строгий порыв, обоснованный от начала и предвидящий в развитии своем необходимый конец»[16].

В начале марта 1926 г. идут переговоры о персональной выставке. 3 марта – запись в дневнике: «Вопрос об устройстве выставки решился в мою пользу... Итак, вперед! Теперь – даешь помещение!»[17].

19 марта к Редько приходит Яков Александрович Тугендхольд, один из самых видных специалистов по современному искусству:

> «Мурманские картины и все прочие Яков Александрович воспринимал по-настоящему: чутко, вдумчиво, с пониманием, какое должно быть в настоящей критике. Сначала слышал от него такую оценку: “Вы колорист, у вас хорошо выходят дали, но нужно больше формы и цвета”. Затем показываю ему следующие работы – эти работы удовлетворили его и в смысле формы. “Русские любят сжигать за собой корабли, но теперь вижу, что вы здесь выполнили, так, как нужно, – закончено и строго проработано. Надо уметь использовать свой прошлый опыт в новых работах”. А уходя, сказал многозначительно: “Не жалею, что был у вас”»[18].

Работы, которые удовлетворили критика «в смысле формы» не названы, но можно уверенно полагать, что в картине «Восстание» этих «форм» явно больше, чем в мурманских пейзажах.

---

16 К. Редько, *Указ. соч.*, 72.
17 К. Редько, *Указ. соч.*, 72.
18 К. Редько, *Указ. соч.*, 72–73.

Устройство персональной выставки – дело непростое: требуются согласования...

Редько пишет заявление в Художественный отдел «Главнауки»:

В Художественный Отдел «Главнауки»
Художника К.Н. Редько
(Милютинский п. 16, кв. 24. Тел. 2-37-45)

Заявление

Ввиду исполнения десятилетия моей художественной деятельности прошу Художественный отдел «Главнауки» взять на себя устройство выставки моих картин и рисунков. Привожу краткий перечень моих, как художника общественных выступлений (так! – А. Ю).

С 1917 по 1920 г. участвую в коллективах художественной политической агитации в Ленинграде, Киеве и на фронтах Гражданской войны. В 1921 г. выступаю в Москве на выставках: «Объединенной Группы Художников» и «Дискуссионной». Участвую в Государственных Художественных выставках за границей. Отмечены критикой, как русской, так и заграничной печати. Некоторые мои работы приобретены в Музеи. В 1922 г. получаю от Наркомпроса заграничную командировку. Весной 1925 г. <...> командируюсь «Главнаукой» для производства художественных работ на Мурман, Новую землю и Сибирь. Результат означенной поездки – большое количество работ, частью напечатанных с критической статьей А.В. Бакушинского в «Красной Ниве» (13 декабря 1925 г., №51). Количество лучших отобранных для выставки работ: 50 полотен – картин (из них 2 особо выдающегося значения и размера) ... В силу всего вышеизложенного прошу Художественный Отдел «Главнауки» взять на себя устройство выставки. По моему расчету для устройства выставки требуется:

1. Помещение в 2 комнатах (общая длина стен для развески от 100 м.).
2. Напечатание и расклейка афиш (размер 18х24 вер.) в кол. до 1000 экземпляров.
3. Издание каталога (500 экз.)
4. Желательно выставку открыть 18-го или 21-го марта сроком на 2 мес.[19].

19 РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 277. Л. 1–2.

У Редько – прекрасные рекомендации. Одну из них написал член коллегии Наркомпроса О.Ю. Шмидт. 13 марта 1926 г. он отправил письмо директору Третьяковской галереи тов. Щусеву:

Уважаемый товарищ! Ряд культурных работников ожидает очень много интересного от выставки картин худ. Редько. Если Вы разделяете положительную оценку работ т. Редько и примете во внимание культурно-краеведческое значение их, то не найдете ли возможным пойти навстречу молодому художнику в этом деле?

Примите уверения в моем искреннем уважении. О. Шмидт[20].

Сохранился интересный документ (в «копии», как заявил Редько), – что-то вроде коллективной просьбы и одновременно характеристики Климента Редько как художника разными деятелями культуры[21].

31 марта 1926 г. был составлен договор художника с «Главнаукой», в результате Редько дали помещение Тракторного техникума на Большой Дмитровке.

Он пишет о своем творчестве – для каталога выставки:

«Моя выставка живописи не охватывает всей работы за десятилетний период. Выставка картин десяти лет или понимания красок на палитре, на кончике кисти и на поверхности полотна. В трех этих положениях основывается все физическое понимание, эстетическое ощущение и техническая логика материала. Анализ цвета превращается в синтез света. Первое и второе определяют пространство простых и сложных форм...»[22].

О.Ю. Шмидт получает также письмо художника Дмитрия Моора (оно не датировано), в котором он просит поддержать Редько:

Дорогой мой Отто Юльевич!

Если вы будете иметь маленькую минуточку среди Ваших великих дел, черкните строчки в МОСХ (хотя бы на основании свидетельств художников, которые дали свои мысли – художники разных направлений). Это решит вопрос о совершенно необходимой выставке

20 Там же. Л. 6.
21 РГАЛИ. Ф. 2359. Оп.1. Д. 277. л. 8–13.
22 Там же. Л. 19.

талантливого Редько. Простите, что я вам пишу. Приветствую Д. Моор[23].

Незадолго до открытия персональной выставки в газете «Известия» за 9 апреля 1926 г. публикуется объявление:

«Художественный отдел Главнауки в текущем месяце наметил организовать две выставки картин: о(бщест)ва “Четыре искусства” и художника Редько... Вторая выставка представит интерес, как показ эволюции “левой молодежи” среди живописцев за годы революции в сторону прихода к новому реализму».

Выставка открыта с 11 апреля 1926 г.
«Известия» сообщали:

«Сегодня, 11 апреля, открывается (Большая Дмитровка, 11) устраиваемая худож(ественным) отделом Главнауки выставка картин и рисунков К.Н. Редько. На выставке будут представлены интересные работы художника, привезенные им с Севера (жизнь и быт поморов)».

14 апреля 1926 года он пишет в дневнике: «Выставка открыта. Посетители выставки очаровываются и разочаровываются. Мнения и суждения самых серьезнейших из серьезных людей – это шаловливый ветер. Завидуют, предостерегают, а считаться должны. Верю самому себе»[24].

Редько следит за тем, что пишут о нем и его выставке. Одновременно – комментирует. 18 апреля – новая запись:

«Сегодня в “Известиях” напечатана статья Я. Тугендхольда: “Выставка К. Редько”. Скучно читать о своих работах статьи, будь они отзывы хорошие или плохие»[25].

Первые радости уходят, на их месте – новые переживания. 8 мая он записывает: «Посещаемость выставки слабая. Расклеенные на улицах

23 Там же. Л. 7.
24 К. Редько, *Указ. соч.*, 73.
25 К. Редько, *Указ. соч.*, *73.*

афиши и напечатанные несколько статей не могут изменить существующего положения. Месяц выставки истек, хочу еще продлить на две недели. Хочу приступить к новым полотнам». Но вдруг, на следующий день, 9 мая - нашествие, организованная экскурсия, и в этот же день – ожидание приезда А.В. Луначарского:

> «В начале дня выставка испытала нашествие большой экскурсии – тридцать пять человек – молодые комсомолки и старые женщины, работницы фабрики Краснопресненской мануфактуры. Трудно мне было вначале войти в роль лектора, потом немного разошелся, сосредоточил их внимание на далеком Севере, объясняя картины не с формально-живописной, а с бытовой и географической сторон. Жду А. В. Луначарского, и вот он поспешно входит со словами: “Лучше поздно, чем никогда”. Надо сказать, нарком еще очень живой человек, как юноша. Просматривал работы быстро, но внимательно, по порядку. Стараюсь получше завладеть его вниманием, и мне удается раскрыть перед ним ряд работ. По мнению Анатолия Васильевича, в работе строгая последовательность. “Выставка в целом – лучшая из виденных ранее в этом сезоне”. Отзыв лестный, самый ободряющий. На прощание мы зорко, остро посмотрели друг другу в глаза. Анатолий Васильевич еще раз подтвердил, что, если выставка не закроется, в субботу он придет с Натальей Александровной Розенель. Мои портреты пришлись по вкусу. Анатолий Васильевич поинтересовался, как я живу, и вообще о художниках, и о мерах по приобретению государством произведений искусства»[26].

Итак, мы видим, что картину Климента Редько «Восстание» перед открытием выставки видят представители комиссии ОСТ (Общества художников-станковистов, созданного группой выпусников ВХУТЕМАСА со главе с Давидом Штернбергом) – А. А. Лабас, П. В. Вильямс, Ю. И. Пименов, К. А. Вялов, А. А. Дейнека, сам Давид Штернберг, эту картину осматривает идеолог пролетарской культуры – А. А. Федоров-Давыдов, ее наблюдает Я. А. Тугендхольд, самый известный в то время критик; смотрят на картину комсомольцы и комсомолки, рядовые граждане, смотрит на нее и нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский... – и ничего странного в ней не находят.

26 К. Редько, *Указ. соч.*, 74.

Более того, во всех публикациях об этой выставке нет даже намека на то, что в ней можно найти что-то вызывающее – напротив, картине «Восстание» не уделяется того внимания, на которое явно рассчитывал Климент Редько, потративший на ее создание два года. О ней говорят мало, но если и говорят, то с нескрываемым сожалением...

Отозвалась, но не очень оптимистично, газета «Правда», статьей Ф. Рогинской от 6 мая 1926 г.

> «Редько совсем еще молодой художник, только начинающий освобождаться из плена чужих влияний (футуризма, конструктивизма и др.). Его последние мурманские работы указывают, что художник выходит на самостоятельный путь, овеянный каким-то суровым реализмом. Художник, без сомнения, талантлив. Однако творчество его еще чересчур незрело, и организация выставки представляется преждевременной».

Откликнулся Федоров-Давыдов:

> «Похвала молодому художнику – он повторил все, что писал в рекомендации, и похвалы только северным картинам художника: Решающее значение на художника оказала поездка на Мурман, откуда он и привез последние свои реалистические произведения. Просматривая их, легко заметить, как чувство природы, первоначально полученное чисто-зрительным путем, углубляясь, заставило присмотреться к определенным этой суровой северной природой людям – поморам и их быту. Недаром его “Рыбачка” имеет еще второе название “Полярная ночь”. Здесь фигура девушки-поморки одновременно олицетворение и человека, и природы»[27].

И – ни слова о картине, на которой изображен Ленин, его сподвижники и сама Октябрьская революция!

---

27 А. Федоров-Давыдов, *По выставкам* // Печать и революция. Книга четвертая. Июнь (1926 г.), 110.

Персоны выше Сталина

Приглядимся к картине Редько «Восстание». Вернемся к рядам, на которых стоят вожди революции. Как видно, один из самых близких к Ленину, если не самый близкий – Лев Давидович Троцкий.

Полнота этой близости определяется тем, что рядом с ним находится жена Ленина, вдова Н. К. Крупская. Вслед за ней стоит очень узнаваемый нарком просвещения А. В. Луначарский, которого Редько боготворил. Итак, третий по счету – нарком просвещения, третий по счету, но в другой линии – Сталин. Ясно, что такая расстановка никак не свидетельствует о реальном объеме власти Луначарского, но согласно общему замыслу и композиции картины он со Сталиным в равной позиции...

Рассмотрим более внимательно эту «линию Троцкого»: кто следует за Луначарским?

Редько читал книги на самые разные темы, и он не мог не знать, хотя бы приблизительно, биографии Луначарского, и не мог поставить вслед за наркомом фигуру, которая была бы с ним в диссонансе. Эти предварительные размышления нисколько не предопределяют поиск, ибо узнаваемость следующего лица в «линии Троцкого» ярко свидетельствует о качестве Редько-портретиста...

Вся дореволюционная биография Луначарского известна как деятельность одного из главных в России марксистов-эмпириокритиков.

Эмпириокритицизм был настоящей модой русской интеллигенции, унаследовавшей философию тургеневского Базарова. Главный враг эмпириокритиков – *любая* метафизика: без особой разницы, идеалистическая она или материалистическая. К началу XX в. в марксистской среде уже накопились серьезные претензии к марксизму как к учению, в котором не было культа эмпирического исследования как основы познания.

Одним из самых ярких представителей эмпириокритицизма был А.В. Луначарский. Уже в молодые годы, увлекаясь такими философами, как Милль, Бэн, Дарвин, Спенсер, он приходил к убеждению, что под экономическое учение Маркса необходимо подвести позитивный философский фундамент. В 1895 г. он приехал в Цюрих, где стал слушателем лекций Авенариуса. Луначарский полагал, что марксизму, как теории развития общества, не хватает биологического эволюционизма. Он верил, что возможно соединение марксистской общественно-экономической науки с биологической теорией познания, которая ничего не упрощает, но напротив – сохраняет значимость познающего субъекта, эмпириокритика. Новые («критические») марксисты нередко противопоставляли себя марксистам-ортодоксам, главным из которых по праву считался Г. В. Плеханов.

Весьма активными эмпириокритиками-марксистами были А. А. Богданов (Малиновский) и В. А. Руднев, не случайно взявший себе имя Базаров, как у главного героя романа «Отцы и дети». Сосланные царским правительством в Калугу (1899–1901), они организовали кружок марксистов и много времени отдавали философским спорам, пытаясь уяснить для себя сущность марксистского мировоззрения. Эти споры продолжились и в Вологде, куда с 1901 г. стали отправлять в ссылку политически неблагонадежных: среди них был и Н. А. Бердяев, в то время еще разделявший некоторые положения К. Маркса, но уже отходивший от основного учения в сторону идеализма. Там был А. А. Богданов, работавший врачом – психиатром, социалист-революционер Борис Савинков, историк П. Е. Щеголев, А. В. Луначарский. В вологодских спорах зрели будущие мировоззренческие баталии модернистов и позитивистов. Когда Бердяев стал открыто говорить о своих сомнениях в отношении материалистического учения, врач-психиатр Богданов приходил к нему, чтобы узнать о состоянии его душевного здоровья: он был убежден, что такое сомнение – плод умственного расстройства...

Впрочем, отношение к религии у эмпириокритиков был непростым. Отвергая религиозную (идеалистическую метафизику), Луначарский писал о том, что религиозный дух вполне совместим с позитивизмом, и даже придумал выражение «позитивная религия». Это религия без Бога, но с верой в человечество. Главная идея – победа жизни, разума, науки и техники над природой. Даниела Стейла отмечала:

> «Главной особенностью социалистической религии, согласно Луначарскому, было отсутствие Бога и любой отсылки к сверхъестественному. Новым богом, приход которого провозглашал социализм <...> должно стать новое человечество – победитель природы и творец собственной судьбы»[28].

К этой идее был близок и Максим Горький, находившийся под сильным влиянием эмпириокритиков. Свою религию «без бога» он назвал «богостроительством» в романе «Исповедь», написанном в начале 1908 г. По словам старца, отвечавшего на вопрос молодого человека по имени Матвей о происхождении божественного начала, «богостроитель – это суть народушко». Общее убеждение марксистов-эмпириокритиков

---

28 Д. Стейла, *Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.)* (Москва: Академический Проект, 2013), 256.

состояло в том, что трансцендентное существует только в пролетарском коллективизме, – именно коллективизм соединяет в себе лучшие свойства человечества[29].

> «В высшем коллективном единстве человечества пролетариат должен был стать подлиннным “универсальным классом”, воплотившим в жизнь предложенные буржуазным индивидуализмом положительные элементы, которые теперь иссякли»[30].

Луначарский – Богданов – Базаров: в таком именно порядке они вошли в историю марксизма в России. Учитывая склонность художника Редько к опытным наукам, в которых он видел смысл своего художественного откровения, можно с уверенностью утверждать, что следующим персонажем в «линии Троцкого» был именно А. А. Богданов. Схожесть его фотографий и портрета на картине Редько – очевидна.

Александр Александрович Богданов (псевдоним; настоящая фамилия – Малиновский, 1873–1928) учился в Московском университете на физико-математическом факультете. В 1894 г. был арестован, сослан в Тулу, где руководил марксистскими кружками. В РСДРП – с 1896 г. Вел революционную пропаганду в разных городах России, подвергался неоднократным арестам, тюремному заключению, ссылкам. В 1897 г. выпустил «Краткий курс экономической науки», стал одним из видных теоретиков марксизма. После раскола в РСДРП в 1903 г. примкнул

29 А. Юрганов, *Ренессанс личности в судьбе русского модернизма* (Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018).

30 Д. Стейла, *Указ соч.*, 263.

к большевикам. Весной 1904 г. знакомится с Лениным, участвует в III съезде РСДРП в 1905 г. В последующих съездах избирается членом ЦК от большевиков. Был членом редколлегий газет «Пролетарий», «Новая жизнь», «Вперед». В 1904–1906 гг. издал несколько томов своей книги «Эмпириомонизм. Статьи по философии». Будучи сторонником философского учения Эрнста Маха, он отрицал объективное существование пространства и времени, отрицал объективность истины (вне опыта). В.И. Ленин критиковал учение Богданова в своей главной философской книге – «Материализм и эмпириокритицизм». В 1910 г. Богданов был выведен из состава ЦК партии большевиков за антипартийные взгляды возглавляемой им группы «Вперед». В 1911 г. он отошел от политической работы. В 1918 г. Богданов стал одним из идеологов Пролеткульта. Наиболее интересный его труд в области теории – это «Тектология», или «Всеобщая организационная наука». Этот труд по праву считается выдающимся памятником русской теоретической мысли начала XX века. Он признавал три основные направления философской мысли, что было очень близко и понятно художнику Редько: это – «энергетика, дарвинизм и социальная теория К. Маркса».

Наиболее полное издание «Тектологии» вышло в 1925–1929 гг. Основная мысль всеобщей организационной науки Богданова заключается в том, что при изучении всякого явления следует исходить из его самоорганизации, из отношения частей и целого. Все в мире находится в динамике перемен, поэтому Богданов считал, что саморегуляция любой организованной системы требует установления равновесия внутри самой себя.

Попытка изобразить художественно Ленина в центре всего мирового процесса – это тоже проблема целого и частей. Редько видит «центром» любой изображаемый центр геометрической фигуры: круга ли, квадрата ли, треугольника ли – не столь уж важно. Существенны отношения частей и целого при изображении всей революции.

Сходным образом можно думать, что и четвертый персонаж в «линии Троцкого» связан с Луначарским: это скорее всего В. А. Базаров, хотя внешнее сходство здесь уже не является решающим аргументом, потому что уменьшение размера самой фигуры ведет неизбежно и к меньшей детализации. Однако едва ли кто-то другой мог занять это место, которое было столь органично для всей теоретической когорты Луначарского.

Владимир Алексеевич Базаров (1874–1939) родился в дворянской семье, учился в Тульской классической гимназии, где и познакомился с Богдановым, он, как и Богданов, учился на физико-математическом факультете Московского университета (изучал химию), но не закончил, был арестован, находился в ссылке. В 1900 г. обучался на философском факультете Берлинского университета, социал-демократ с 1896 г., в 1904–1907 гг. считал себя большевиком. Летом 1917 г. вышел из РСДРП, был одним из идеологов и создателей партии РСДРП (интернационалистов), учрежденной в январе 1918 г. Выступил против заключения Брестского мира, уехал в Крым, затем в Харьков, где вместе с Мартовым основал журнал «Мысль». Во время Гражданской войны оказался в Крыму, был арестован ЧК. Ленин спас Базарова от расстрела. С мая 1921 г. он стал работать в Госплане, в 1924 г. был назначен заместителем председателя экономико-статистической секции Госплана.

Другая нижняя «линия» на картине – от М. И. Калинина:

Михаил Иванович Калинин (1875–1946) происходил из русского крестьянства Тверской губернии. Вел активную революционную деятельность с 1899 года, организовывал марксистские кружки по всей стране, многократно сидел в тюрьме, был в ссылке. В 1905 г. – участник Первой русской революции. На Шестой партконференции РСДРП (1912) был намечен для кооптации в ЦК РСДРП (б). Весь 1916 год сидел в тюрьме, сослан в Сибирь, но бежал и перешел на нелегальное положение, продолжал революционную деятельность в Петрограде. В Февральской революции стал одним из организаторов захвата Финляндского вокзала. Активный участник Октябрьского переворота. На квартире Калинина Ленин проводил совещания по подготовке вооруженного восстания. После смерти Я. М. Свердлова в 1919 г. Калинин был избран председателем ВЦИК. Интересно, что Троцкий себе приписывал выдвижение Калинина на этот пост. 30 декабря 1922 г. номинально стал главой государства – одним из председателей ЦИК СССР. С 1926 г. по 1946 г. – член Политбюро ЦК ВКП (б).

Лев Борисович Каменев (1883–1936) – один из вождей революции, член Политбюро ЦК РСДРП с октября 1917 г. С 1918 г. по 1926 г. был председателем Моссовета, одновременно с 1922 г. находился на должностях заместителя Председателя СНК РСФСР (СССР), председателя Совета труда и обороны СССР, директора Института В.И. Ленина (с 1923 г.). В начале 1926 г. стал наркомом внешней и внутренней торговли. С 1926 г. – полпред СССР в Италии.

Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936) – нарком иностранных дел РСФСР и СССР (1918–1930), член ЦК ВКП (б) с 1925 г.

Кто же следующие в «ряду» Калинина? Нетрудно догадаться, что после Г. В. Чичерина идет М. М. Литвинов – он очень похож, и один из главных атрибутов дипломата – это галстук-бабочка, который надевали по случаю различных дипломатических приемов в посольствах.

Максим Максимович Литвинов (1876–1951) – член РСДРП с 1898 г. Находился в эмиграции, участвовал в распространении газеты «Искра». После второго съезда РСДРП (1903) вступил в ряды большевиков. Делегат третьего съезда РСДРП, участвовал в организации первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь» в Петербурге. Во время Первой русской революции занимался закупкой и поставкой в Россию оружия для революционных организаций. С 1907 г. жил в эмиграции. Долгое время жил в Лондоне, руководил группой большевиков, был секретарем Герценовского кружка. В 1914 г. стал представителем ЦК РСДРП в Международном социалистическом бюро. С начала 1918 г. – дипломатический представитель Советской России в Великобритании. В сентябре 1918 г. арестован в ответ на арест английского дипломата Локкарта. Был освобожден, его обменяли на Локкарта. С мая 1921 года по 1930 год – заместитель наркома по иностранным делам РСФСР (с 1923 г. – СССР) Г. В. Чичерина.

Кто же последний в этом ряду? Очевидно, это может быть только дипломат, но рангом ниже замнаркома. Сходство написанного портрета с Вацлавом Вацлавовичем Воровским – весьма убедительное.

Вацлав Вацлавович Воровский (1871–1923) – русский революционер, дипломат. В 1890 г. учился на физико-математическом факультете Московского университета, в революционном движении с 1894 г. Сотрудник газеты «Искра», в Первой русской революции – активный участник, занимался закупкой оружия для рабочих дружин. Участвовал в работе четвертого съезда РСДРП в Стокгольме. Занимался политическими фельетонами, литературной критикой. После октябрьского переворота – полпред в Скандинавии. В 1919 г. вернулся в Россию. С 1921 г. – полпред и торгпред в Италии. В 1922 г. – участник Генуэзской конференции. 10 мая 1923 г. был убит в ресторане отеля «Сесиль» бывшим белогвардейским офицером Морисом Конради. Состоялся суд и Конради был оправдан судом присяжных, узнавших о страшных преступлениях большевиков; суд счел убийство полпреда – актом справедливости. Похоронен Воровский на Красной площади.

Итак, видно, что линия Троцкого – это идейная и просветительская сторона большевизма, линия Калинина – это внешнеполитическая сторона советского государства. Художник довольно ясно отграничивает разные властные направления большевизма после 1917 года.

Рассмотрим теперь линию Рыкова – с правой стороны от зрителя, наверху. В ней – очевидное сходство с тремя личностями – А. И. Рыковым, М. П. Томским и Н. И. Подвойским.

Алексей Иванович Рыков (1881–1938) – председатель ВСНХ РСФСР (СССР) с 1923 г. Член Политбюро ЦК РКП (б) с 1922 г. В 1923 г. был назначен заместителем председателя Совнаркома и СТО СССР. Фактически – глава исполнительной власти.

Михаил Павлович Томский (1880–1936) – активный участник революции 1905–1907 гг. Делегат пятого (Лондонского) съезда РСДРП в 1907 г. Неоднократно был арестован, сослан. В 1911 г. был приговорен к к пяти годам каторжных работ. Участник октябрьской революции 1917 г. в Москве. В декабре 1917 г. становится председателем Московского Совета профессиональных союзов. В октябре 1918 г. исполком ВЦСПС избрал Томского председателем Президиума ВЦСПС. С 1919 г. – член ЦК РКП (б). В 1920 г. подверг критике Троцкого за полное подчинение профсоюзной организации транспорта Наркомату путей сообщения. В 1921 г. была сделана попытка создать независимые от партии профосюзы. Томский фактически поддержал ее, хотя формально был против.

Николай Ильич Подвойский (1880–1948) – активный участник Первой русской революции. В 1906–1907 гг. был в эмиграции. Участвовал в организации газет «Звезда» и «Правда». С 1915 г. – глава финансовой комиссии Русского бюро ЦК РСДРП. В 1916 г. был арестован, в феврале 1917 г. был приговорен к ссылке в Сибирь. В октябрьском перевороте 1917 г. был одним *из главных* организаторов большевистского переворота, руководи-

телем вооруженного восстания. В 1917–1918 гг. – нарком по военным делам РСФСР. Один из организаторов Красной Армии. В 1921–1927 гг. – председатель Спортинтерна, в 1920–1923 гг. – председатель Высшего совета физической культуры. В 1924–1930 гг. – член Центральной контрольной комиссии ВКП (б).

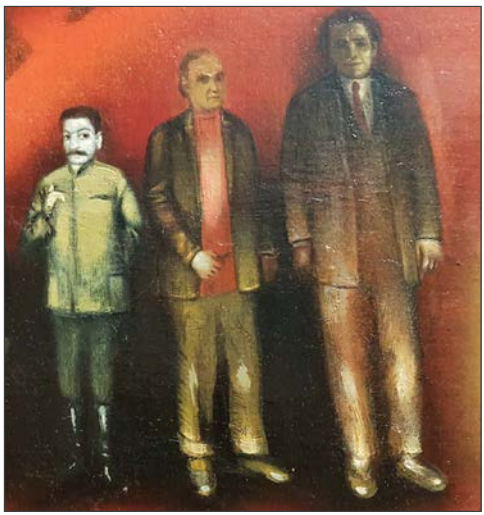
Кто следующий в «линии» Рыкова? Этот вопрос более затруднителен, чем в других «линиях». Ибо здесь нет очевидной логики, как в случае с линией дипломатической (от Калинина). Однако если иметь в виду, что в плоскости Рыкова концентрируется власть исполнительная и профсоюзная, то ожидать можно какого-то наркома с яркой биографией в прошлом.

При проверке на предмет сходства наиболее подходящей фигурой оказывается Леонид Борисович Красин. Портретная зарисовка позволяет увидеть человека с уже почти седой бородой – это косвенное указание на возраст: перед нами человек явно немолодой. Кроме того, художник изобразил острый подбородок – это тоже сближает портрет с реальным обликом Л.Б. Красина.

Леонид Борисович Красин (1870–1926) – член ЦК РСДРП в 1903-1907 гг. Член ЦК ВКП (б) с 1924 по 1926 гг. В 1923 г. стал первым наркомом внешней торговли СССР, с 1924 г. – полпред во Франции, с 1925 г. – во Франции.

Что касается следующей фигуры в «линии» Рыкова, то пока это лицо никак не идентифицируется, и нет даже предположений, кто бы это мог быть.

Наконец линия, о которой шла речь только в связи со Сталиным, между тем он – лишь третий в ряду, а первые две личности без труда узнаваемы: это Г. Е. Зиновьев и В. В. Куйбышев.



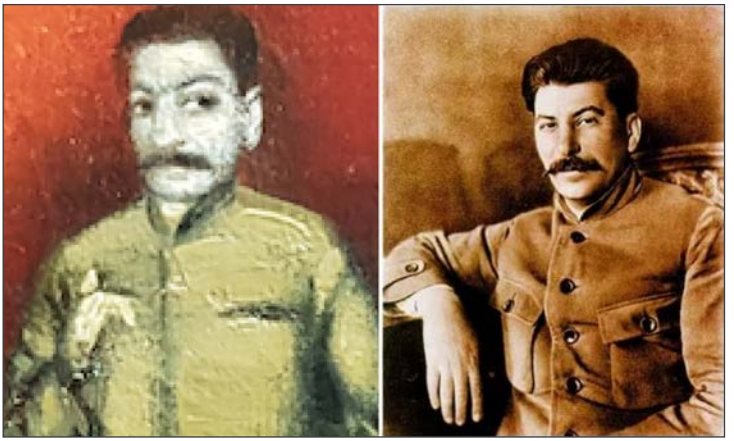
Григорий Евсеевич Зиновьев (Евсей-Гершен Ааронович Радомысльский; 1883–1936) – один из главных вождей революции. Участвовал в революционном движении с 1901 г., член РСДРП. В 1903 г. познакомился с Лениным, впоследствии стал одним из его близких друзей. В 1904 г. учился в Бернском университете на химическом факультете, однако прервал учебу для участия в Первой русской революции. На пятом (Лондонском) съезде РСДРП был избран членом ЦК. В 1908 г. вместе с Лениным эмигрировал в австрийскую Галицию. В 1917 г. вместе с Лениным возвращается в Россию в пломбированном вагоне. После событий 4 июля 1917 г. вместе с Лениным скрывался на озере Разлив. В октябре 1917 г. на закрытом заседании большевистского ЦК проголосовал (вместе с Л.Б. Каменевым) против свержения Временного правительства. Ленин считал, что своим публичным несогласием с решением ЦК Зиновьев и Каменев выдали Керенскому планы вооруженного восстания. С 1917 г. председатель Петроградского Совета (с 1924 г. – Ленсовета). В 1919 г. избран председателем Исполкома Коммунистического Интернационала. В 1921–1926 гг. – член Политбюро ЦК РКП (б). Выступал с отчетными докладами ЦК

на XII и XIII съездах партии. Именно Зиновьев предложил в 1922 г. Каменеву назначить Сталина на пост Генерального секретаря ЦК РКП (б). Зиновьев создал «тройку» (Зиновьев – Каменев – Сталин), которая, по его мнению, могла противостоять авторитету еще одного лидера партии – Л.Д. Троцкого. На XIV съезде партии (декабрь 1925 г.) Отчетный доклад ЦК прочитал уже не Зиновьев, а Сталин. Зиновьев, поддержанный Каменевым и ленинградской делегацией, выступил против группы Сталина (Молотов, Рыков, Бухарин) и партийного большинства, однако в 1926 г. это выступление был ло квалифицировано как «фракционное», – Зиновьев был отстранен от руководства Исполкома Коминтерна и Ленсоветом. Объединение Зиновьева с Троцким в 1927 г. закончилось тем, что он был выведен из состава ЦК, а затем исключен из партии.

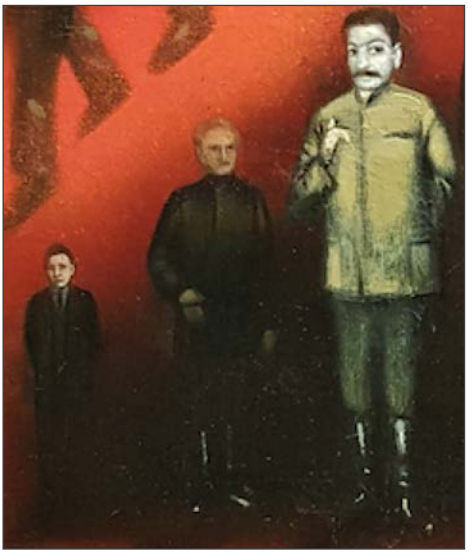
Валерьян Владимирович Куйбышев (1888–1935) – член ЦК ВКП (Б) (1922–1923, 1927–1935), член Оргбюро ЦК ВКП (б), секретарь ЦК ВКП (б), член ЦКК ВКП (б), председатель Президиума ЦКК. Участник Первой русской революции, неоднократно был арестован и заключен в тюрьму. Учился в Томском университете на юридическом факультете, отчислен за революционную деятельность. В 1917 г. возглавлял Самарскую организацию РСДРП. В октябре 1917 г. устанавливал Советскую власть в Самаре. Во время Гражданской войны отличился как руководитель обороны Астрахани. С 1923 г. по 1926 г. – нарком РКИ, заместитель председателя СНК и СТО. С 1926 г. – председатель ВСНХ. С 1930 – председатель Госплана, одновременно заместитель СНК и СТО.

Сталин изображен третьим в ряду Зиновьева в высшей степени правдиво – его левая рука не сгибалась с детства, и Редько показал типичную для Сталина ситуацию – подвижную правую руку и левую руку, уходящую в карман военного кителя.

Интересно, что взгляд Сталина на фотографии того времени очень совпадает с тем, как Сталина изобразил художник – смотрящим не прямо, а с каким-то «прицелом». Художник внимателен и наблюдателен настолько, что уловил не только сталинскую манеру держать правую руку согнутой, а левую опущенной, но и его взгляд – «косой» взгляд.

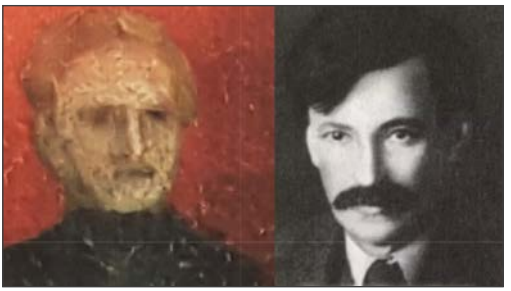


Кто же стоит в «линии» Зиновьева после Сталина?



Первый из них (ближе к Сталину) – председатель ОГПУ (с 1926 г.) Вячеслав Рудольфович Менжинский – один из руководителей советских органов государственной безопасности. При внешней схожести Менжинского и Дзержинского видно все же, что художник не мог так изобразить Дзержинского: ни одна из его характерных черт (острота скул, большие и широко расставленные глаза, бородка) никак не представлены, зато внешний облик Менжинского схвачен в высокой степени

похожести. Единственное, что не вполне совпадает – это то, что в отблеске революционного пожара Менжинский осветлен светом марксизма до такой степени, что уже не выглядит брюнетом, каким был.



Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874–1934) – один из руководителей органов безопасности. С 1902 г. – в РСДРП, большевик, работал представителем газеты «Искра», вел агитационную работу на Ярославской железной дороге. Был арестован, бежал за границу. После Февральской революции вернулся в Россию, во время Октябрьской революции был членом петроградского военно-революционного комитета, комиссар ВРК в Госбанке, в 1918 г. был наркомом финансов. При Менжинском производилась национализация банков. В 1919 г. – нарком Рабоче-крестьянской инспекции Украины. С 1919 г. – в ВЧК. В 1921 г. стал руководить Секретно-оперативным управлением (СОУ) ВЧК. С 1923 г. – первый заместитель председателя ОГПУ Дзержинского. Фактически именно он управлял ведомством, так как Дзержинский в последние годы жизни занимался делами ВСНХ; 20 июля 1926 г. Дзержинский умер, председателем ОГПУ стал Менжинский.

Последняя фигура в «линии» Зиновьева имеет некоторую схожесть, –слегка приподнятой бровью, крупным лицом без усов и бороды, – с лицом Якова Христофоровича Петерса, известного своими громкими делами чекиста, возглавлявшего (на момент написания картины) Восточный отдел ОГПУ.

Яков Христофорович Петерс (1886–1938) – один из создателей и руководителей ВЧК. Участник Первой русской революции. Был в эмиграции. После Февральской революции приехал в Россию. В октябре 1917 г. стал членом Петроградского ВРК. С 1918 г. – первый секретарь парторганизации ВЧК. С его именем связывают раскрытие заговора Локкарта. Петерс руководил подавлением левоэсеровского

мятежа 1918 г. Заместитель председателя ВЧК Феликса Дзержинского. В 1919 г. подписал (в числе других) постановление о расстреле оставшихся членов императорской семьи. Вел следствие по делу Ф. Каплан, покушавшейся на Ленина, руководил ликвидацией «Союза защиты родины и свободы» Бориса Савинкова. В 1919 г. Петерс был назначен комендантом Киевского укрепленного гарнизона в то время, когда наступала армия Деникина и Петлюры. С 1922 г. стал начальником Восточного отдела ГПУ. Одновременно выполнял обязанности главного инспектора погранвойск ОГПУ. В 1929 г. отошел от дел, связанных непосредственно с органами безопасности.

Итак, в результате опознания лиц на картине «Восстание» (1925) можно констатировать следующее: все первые три персоны в каждой из «линий» узнаваемы безусловно – дополнительных аргументов не требуется. Это Л. Д. Троцкий, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, Г. В. Чичерин, А. И. Рыков, М. П. Томский, Н. И. Подвойский, Г. Е. Зиновьев, В. В. Куйбышев, И. В. Сталин.

Не вызывают особых сомнений некоторые лица «четвертого порядка»: это А. А. Богданов и М. М. Литвинов.

Могут быть сомнения по атрибуции В. В. Менжинского и Л. Б. Красина, но для нашего исследования этот сюжет не имеет принципиального значения.

В последней («пятой») позиции каждой из линий один человек не опознан вообще (в «линии» Рыкова), две персоны опознаны с достаточной долей вероятности: это В. В. Воровский и В. А. Базаров. Проблематична фигура Я. Х. Петерса.

Таким образом, мы можем составить предварительный список – своеобразный рейтинг. Как уже упоминалось, Сталин в нем занимает только девятую строку! Впереди – восемь человек: это Троцкий, Крупская, Калинин, Каменев, Рыков, Томский, Зиновьев и Куйбышев.

Сталин «на равных» с Луначарским, Чичериным и Подвойским.

Все, что мы знаем о событиях борьбы за власть в партии, противоречит картине, которую написал К. Редько. Естественно, возникает вопрос о границах субъективности художника, о его понимании или непонимании истинной ситуации в стране. На картине Редько нет Николая Ивановича Бухарина! Забыл его? Или не хотел изображать?.. Впрочем, тут надо подчеркнуть, что Редько – не придворный живописец, и никому не обязан был в 1925 г. «кланяться» при изображении Октябрьской революции. Тем более, что Бухарин не входил в число главных организаторов переворота.

Итак, насколько можно доверять столь парадоксальной картине, смысл которой никак не согласуется с тем, что общеизвестно? Объяснение, что мастер не был вхож в высшие круги партии и не знал истинного положения вещей, оказывается слишком простым – как уже было показано, никто из видевших эту картину воочию (включая Луначарского) не удивился и не сделал замечаний. Критики, хорошо знавшие политическую жизнь в стране, сочли картину слишком тривиальной! Никто ее не оспаривал!

Так в чем же дело?

Необходимо выяснить, является ли картина плодом только личного умозрения художника или она свидетельствует о какой-то типичности в объяснении ситуации.

Редько, как обычный гражданин, мог читать и даже выписывать газету «Вечерняя Москва», которую не назовешь партийной или государственной – это обычная городская газета для обычных советских людей. Если он не читал ее и не выписывал – то еще больше оснований поверить независимому источнику...

Мною был проведен анализ упоминаний за весь 1925 год в «Вечерней Москве» всех тех, лиц, которые были мною опознаны: это 19 человек. Статистический анализ включал в себя такие параметры: 1) если упоминается та или иная фамилия в одном номере газеты несколько раз, то фиксируется одно, а не несколько упоминаний; 2) фиксируется любое упоминание фамилии – даже если это не человек, а, например, пароход или аэродром, названный именем этого человека.

Основная цель анализа – увидеть в газете «мелькание» имени, его популярность или непопулярность. В результате проведенного анализа была выявлена динамика «мелькания» имени в обычной городской прессе. Сталин в этом новом списке вновь занимает девятое место!

Вот список всех лиц с указанием их газетного «рейтинга»:

1. Чичерин – 63
2. Луначарский – 59
3. Рыков – 37
4. Красин – 35
5. Троцкий – 32
6. Калинин – 29
7. Зиновьев – 27
8. Каменев – 23
9. **Сталин** – 19
10. Крупская – 18
11. Томский – 17
12. Куйбышев - 6
13. Воровский – 5
14. Литвинов – 3
15. Подвойский - 1
16. Богданов – 1
17. Менжинский – 0
18. Петерс – 0
19. Базаров - 0

В общественном сознании Сталин оказался вождем с весьма узким спектром влияния на мифологию революции. В текстах того времени (второй половины 20-х годов) встречается такие характеристики Сталина – «партийный авторитет», «практик».

Сталин – один из вождей партии, это несомненно, но также несомненно, что он не теоретик. В общественном сознании он проигрывал Троцкому, лишенному всех главных должностей в Советской республике, фактически безвластному и гонимому. В мифической отрешенности культ вождя не был связан напрямую с должностью! Сама «Вечерняя Москва» свидетельствовала о разнице между культом вождей-теоретиков и культом вождей-практиков. Критерий придумала не газета, – так думала прежде всего большевистская партия: любой партийный деятель, который поднимался до уровня «партийного авторитета» или «выдающегося практика» не мог претендовать на большее, если его не читают и не цитируют как теоретика. Сталин был хорошим практиком и администратором, и это обстоятельство создавало у многих иллюзию, что он никогда не сможет подняться выше.

26 января 1925 г. в «Вечерней Москве» были обнародованы результаты опроса: кого из высших партийных деятелей, разбирающих «основные вопросы марксизма», читают? Выяснилось: рабочие читают Ленина, Зиновьева, Троцкого, Бухарина и Калинина.

27 января 1925 г. в той же газете была опубликована еще одна заметка «Что читает учащийся?» Ответ был такой: «Среди них 90 проц. составляют работы Ленина, Плеханова, Зиновьева, Троцкого, Радека и Бухарина».

Газета регулярно сообщала о выходе очередного тома сочинений того или иного вождя, – 5 января была опубликована заметка «Новые книги товарища Зиновьева»: увидел свет седьмой том его собрания сочинений.

Никто не брал в руки труды товарища Сталина пока он сам не напомнил о них...

Концепция Троцкого

Эту ситуацию комментировал Л.Д. Троцкий, находясь в эмиграции. Он характеризовал отношение Ленина к Сталину. Выявленный нами политический контекст и относительно позднее высказывание Троцкого полностью совпадают:

> «Ленин видел в Сталине революционера, но *не политика большого стиля* (курсив мой – А.Ю.). Значение теории для политической борьбы стояло в глазах Ленина слишком высоко. А Сталина никто не считал теоретиком, и сам он до 1924 г. не изъявлял никогда претензий на это звание. Наоборот, его слабая теоретическая подготовка была слишком хорошо известна в тесном кругу. Сталин не знаком с Западом, не знает ни одного иностранного языка. При обсуждении проблем мирового рабочего движения он никогда не привлекался. Сталин не был, наконец, - это менее важно, но не лишено все же значения, - ни писателем, ни оратором в собственном смысле слова. Статьи его, несмотря на всю осторожность автора, кишат не только теоретическими несообразностями и наивностями, но и грубыми погрешностями против русского языка. Ценность Сталина в глазах Ленина почти исчерпывалась областью партийного администрирования и аппаратного маневрирования. Но и здесь Ленин вносил существенные оговорки, чрезвычайно возросшие в последний период»[31].

Несмотря на эти различия коллективный культ вождей революции был основным культом в массовом сознании середины 20-х годов.

Например, на трибуне Мавзолея 1 мая 1925 г. стояли Калинин, Молотов, Каменев, Томский, Зиновьев. Среди них не было главного, кто притягивал бы к себе большее внимание. На годовщину Октябрьской революции (в ноябре 1925 г.) проходящие мимо мавзолея массы людей кричали «Да здравствуют вожди революции!».

В массовом сознании не было попыток выделить культ одного из них: достаточно того, что вместе они выражают сущность Октябрьской революции. Что, собственно, и интересовало Климента Редько, работавшего над картиной «Восстание».

Обратим внимание на интенсивность газетных упоминаний Сталина и Троцкого в течение всего 1925 года.

---

31 Л. Д. Троцкий, *Сталин* (М.: Эксмо, 2011. Кн.2), 464.

Сталин	Троцкий
январь – 2	январь – 5
февраль – 0	февраль – 0
март – 1	март – 0
апрель – 0	апрель – 0
май – 1	май – 0
июнь – 1	июнь – 6
июль – 0	июль – 3
август – 0	август – 4
сентябрь – 0	сентябрь – 4
октябрь – 2	октябрь – 4
ноябрь – 6	ноябрь – 2
декабрь – 6	декабрь – 4

Сталин упоминается только функционально: как правило в связи с партийными делами. Избыточной информации нет – и потребности в ней тоже нет. Всплеск его активности в газетном пространстве прямо связан с подготовкой и проведением XIV партийного съезда, который открылся в декабре 1925 года. Сталин тогда одержал важную победу, перехватил у Зиновьева инициативу, прочитав политический отчет ЦК ВКП(б). Если бы не это большое партийное событие, то частота его присутствия в общественном сознании была бы близка нулю.

Иначе – у Троцкого. Если он отъезжал за границу или на отдых, то на это время он исчезал из поля зрения (февраль – май 1925 г.). Но стоило ему вернуться к привычной жизни в Москве, и частота его упоминаний повышалась до высоких ежемесячных значений. Интерес к Троцкому был гораздо шире, чем к Сталину, и касался буквально всего, что он делал и говорил. 2 июня 1925 г. газета сообщала, что Троцкий выступал перед открытием теплотехнического института, 18 июня – «Троцкий на радио-выставке», 25 июля – он принимает германскую делегацию, 12 августа сообщено, что по инициативе Троцкого «разработана новая статья Уголовного кодекса», 11 сентября Троцкий принимал английских парламентариев, 16 сентября – читал доклад «Менделеев и марксизм», 5 октября газета сообщала, что в Америке издана книга Троцкого, 7 сентября – «Троцкий на заводе «АМО»» и т.д.

Интерес к деятельности Троцкого никак не связан с его скромной должностью, – Троцкий одним своим именем – неизгладимый факт мифической отрешенности.

Почему в линии Зиновьева и рядом со Сталиным оказались представители ОГПУ? Судя по всему, здесь не только фиксировался пер-

воначальный политический союз Зиновьева со Сталиным, но и ресурс административной (карающей) силы партийного аппарата, который находился под контролем генерального секретаря. 29 января 1925 г. в «Вечерней Москве» говорилось, что западные средства информации сообщили, что Троцкий якобы арестован Сталиным, но кто же в СССР поверит вымыслу! Это подавалось, как курьезная информация, однако она не запрещала думать, что административная сила исходит от Сталина!

Нельзя сказать, что в общественном сознании не было представления о вражде Сталина и Троцкого. «Вечерняя Москва» несколько раз давала повод читателю думать, что борьба между ними идет, и весьма острая: у одного – вся сила партийно-административной системы, способной арестовать, покарать, у другого – максимально выраженная мифическая слава вождя революции, героя Гражданской войны, одного из главных теоретиков партии.

22 июня 1925 г. «Вечерняя Москва» сообщила, что начался процесс над немецкими студентами – фашистами, которые приехали в СССР для того, чтобы убить Сталина и Троцкого. Подобная информация настраивала читателя на понимание того, что молодые фашисты собирались убить двух главных деятелей партии и государства, однако газетные слухи о возможном аресте Троцкого показывали, что дыма без огня не бывает: Сталин и Троцкий – враги. Никто еще не мог знать будущего, никто не мог предвидеть, кто именно победит – партийная сила или мифология революции. Тот, кто овладел аппаратом партии, не имел харизмы полноценного вождя, тот, кто лишился всех своих главных постов в Республике, имел высочайший статус теоретика партии, вождя революции. Сила административной власти – и сила мифической отрешенности в общественном сознании, – таков общий масштаб конфликта середины 20-х годов, когда решалась судьба революции и страны.

По какой дороге пойдет страна?

Генеральным секретарем ЦК ВКП (б) Сталин стал весной 1922 года. Но уже к осени он быстрыми действиями поместил на руководящие («секретарские») места своих людей – и сделал это так, что никто другой он уже не мог повлиять на партийное большинство. За эти полгода Сталин укрепил свое положение настолько, что изменить положение можно было только при условии его полного смещения с занимаемой должности, как того и хотел Ленин. Однако, чтобы сместить нужно заручиться поддержкой именно большинства секретарей партийных организаций – а они не были заинтересованы в новом руководителе, ибо

не могли не опасаться, что вслед за Сталиным, произойдет смена всей «секретарской» элиты. Сталин это понимал и бравировал заявлениями типа «мне должность не дорога»!

При Центральном Комитете партии существовал так называемый учетно-распределительный отдел, который ведал назначениями на должность тех или иных секретарей партийных организаций. Этот отдел подчинялся Секретариату ЦК, который в 1923 году состоял из трех человек. Один из них получил статус «генерального секретаря». Партия контролировала государственные органы, чтобы все решения так или иначе отражали ее волю, но «воля партии» в лице Секретариата была вне контроля, о чем и беспокоился Ленин, полагая, что рабочая инспекция по типу Рабкрина могла бы стать противовесом бюрократическим извращениям.

Ленин собирался на XII съезде партии (весной 1923 г.) сместить Сталина, поскольку ко всему прочему не совпадал с ним по «национальному вопросу». Умирающий вождь готовился к разрыву отношений со Сталиным из-за грубостей, который тот позволил себе в отношении к Н.К. Крупской. Сталин перехитрил Ленина и сумел убедить Политбюро ЦК перенести время съезда на более поздний срок, чтобы выиграть время. В ночь с 6 на 7 марта у Ленина вновь случился удар, он лишился речи. С этого момента он уже не мог активно участвовать в политической борьбе, и Троцкий остался один на один с коалицией своих врагов.

В конфликте «левой оппозиции» и лично Троцкого с партийной тройкой (Зиновьев – Каменев – Сталин) всем было видно, что на первом плане – противостояние двух главных теоретиков партии, Зиновьева и Троцкого, за влияние на международное коммунистическое движение. Оба они были глашатаями мировой революции, которую ожидали в 1923 году. Зиновьев – во главе Коминтерна, Троцкий – в союзе с Лениным.

Последнее обстоятельство заставило Зиновьева искать себе подручников, способных поддержать его первенство в партии, выражавшееся в том, что именно он, Зиновьев, зачитывал отчетные доклады ЦК на XII и XIII съездах партии. Зиновьев предложил в 1922 г. Каменеву создать «тройку» – ее сильной стороной считалась административная должность Сталина, который как «практик» брал под контроль партийный аппарат через главенство в Секретариате ЦК. Зиновьев и помыслить не мог, что этот роковой шаг станет впоследствии причиной его трагической судьбы.

«Левая оппозиция» и лично Троцкий, не будучи вместе, хотя и совпадая во взглядах, требовали расширения внутрипартийной демократии, которая была сужена резолюцией X-го съезда партии в 1921 году, чтобы предотвратить раскол. Эта резолюция запрещала создавать фракции в партии, и потому рассматривалась как мера временная. Сталин и его управленческий аппарат стали рассматривать эту резолюцию как основу для создания «секретарской» партии, в которой основной механизм власти (право большинства) – это секретари партийных организаций, подчиняющиеся Секретариату ЦК и лично генеральному секретарю. Однако эта власть фактическая, аппаратная, но не идейная! Сама «тройка» в сознании ее оппонентов была скорее «двойкой»! 16 декабря 1923 г. Т.В. Сапронов опубликовал в «Правде» статью «О единстве и оппозиции», где упоминал в качестве своих идейных противников Зиновьева и Каменева, «забывая» о Сталине! В сознании Сапронова сила власти идейной в этой тройке принадлежала «теоретикам», а не единственному «практику»[32].

Уже в 1923 году не только Троцкому, но и Зиновьеву (в политическом союзе со Сталиным) стало ясно, что реальная власть – аппаратная, безликая – принадлежит одному человеку, и не будучи лидером партии в качестве политика «большого стиля», он всесилен, как никто в партии. Зиновьев, находясь в политическом союзе со Сталиным, острейшим образом возмущался тем, что Сталин сам решает все вопросы внутренней и внешней политики государства, не желая советоваться с вождями революции. Пребывая в отпуске, Зиновьев писал Каменеву 30 июля 1923 г.:

> «Уделив 10 минут своего высокого внимания и поговорив с интриганом Радеком, Сталин сразу решил, что германский ЦК ничего не понимает, что я, Бухарин, Цеткин, Брандлер не разобрались в вопросе и что надо поддержать болтуна Радека...».

Тут же сравнение Сталина с Лениным – нелицеприятное для «практика»:

32 В. Волкова (ред.), *РКП (б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г.* (М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН, 2004), 111.

> «В.И. уделял добрую десятую часть времени Коминтерну, каждую неделю беседовал с нами об этом часами, знал международное движение, как свои пять пальцев, и то никогда не отрезывал, не опросив 20 раз всех. А Сталин пришел, увидел и разрешил! А мы с Бухариным вроде “мертвых трупов“ - нас и спрашивать нечего»[33].

Отвечая на обвинения в фактической узурпации власти, Сталин хитро грозил Зиновьеву превращением его особой позиции в «тройке» – в осуждаемую партией «фракцию», выступающую против ее единства[34].

Ответ Зиновьева (6 августа 1923 г.) показал Сталину, что «теоретики» для него – не сильные соперники: они боятся разрыва и не уверены в своих силах: «Разговоры о “разрыве“ – это ж, конечно, от Вашей усталости. Об этом не может быть и речи»[35].

Культ вождей-теоретиков требовал относительно широкой внутрипартийной демократии, культ «секретарской» партии требовал послушания резолюции съезда, которая давала аппарату Сталина почти безграничные возможности хозяйничать в стране.

Далеко не сразу Сталин обрел новый статус непререкаемого вождя партии, практика и теоретика. Ему пришлось потрудиться, провести сильные идеологические кампании по перестройке всех сфер общественной жизни под новый идеологический образец, предусматривавший, что только «практик» Сталин, начиная строительство социализма в отдельно взятой стране победившего социализма, знает, какая «теория» нужна. Ибо невиданная практика и есть критерий новой теории. Утверждалось, что Сталин – тоже теоретик, но не догматический, а творческий! Это будут говорить, начиная с 1929 года, когда Сталину исполнится 50 лет...

В 1925 году еще никто не знал, куда пойдет страна, каким будет будущее, развилка дорог еще позволяла Сталину и главным его оппонентам сосуществовать в одном общественно-политическом пространстве.

Понимали ли сами современники, что они стоят на развилке?

Оказывается – да, понимали! На XIV съезде партии в декабре 1925 г., когда в оппозиции Сталину оказались вожди-теоретики, многие не хотели верить, что такое возможно. Ведь против Сталина выступили

---

33 В. Волкова (ред.), *РКП (б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы*, 129.
34 В. Волкова (ред.), *РКП (б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы*, 135–136.
35 В. Волкова (ред.), *РКП (б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы*, 136.

Крупская, Зиновьев, Каменев и др. А. И. Рыков выразил общее мнение, что такое положение вещей абсолютно ненормально – это раскол. Нужно преодолеть его и дружно работать дальше: так почти все и пытались уговорить враждующие стороны.

Рыков определил эту ситуацию словом «двоецентрие».

На стороне Сталина – весь бюрократический аппарат партии, в том числе карательный, на стороне оппозиции – почти вся мифология революции. Таков общий контур политического контекста в мифологии вождей середины 20-х годов.

Такова и картина Климента Редько «Восстание».

Archival Documents

RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i isskustva [Russian State Archive of Literature and Art]

References

A. Fedorov-Davydov, *«Po vystavkam»* [By exhibitions] (Pechat' i revoliutsiia, 1926, kn.4).
K. Red'ko, *«Dnevniki. Vospominaniia. Stat'i»* [Diaries. Memories. Articles] (Moskva: «Sovetskii khudozhnik», 1974).
D. Steila, *Nauka i revoliutsiia. Retseptsija empiriokrititsizma v russkoi kul'ture (1877–1910 gg.* [Science and revolution. Reception of Empirio-criticism in Russian Culture (1877–1910)] (Moskva: Akademicheskii proekt, 2013).
L.D. Trockii, *Stalin [Stalin]* (Moskva: EKSMO, 2011. Kn.2).
Val. P. Volkova (red.) *RKP(b): Vnutripartiinaia bor'ba v dvadtsatye gody: Dokumenty i materialy* [RCP (b): Internal party struggle in the twenties: Documents and materials] (Moskva: ROSSPAN, 2004).
A. L. Yurganov, *«Renessans lichnosti v sud'be russkogo modernizma»* [The Renaissance of the individual in the fate of Russian Modernism] (Moskva; Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnych iniciativ, 2018).